

Уилфрид Дайсон
ХАМБЛИ

**ЗНАКИ
НА ТЕЛЕ:**

РИТУАЛЫ,
ВЕРОВАНИЯ,
ТАБУ

TATTOO

ИСТОРИЯ ТАТУИРОВКИ

Уилфрид Дайсон Хамбли

История татуировки. Знаки на теле: ритуалы, верования, табу

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493352

История татуировки. Ритуалы, верования, табу: Центрполиграф; М.;

2014

ISBN 978-5-9524-5101-8

Аннотация

Книга Уилфрида Дайсона Хамбли представляет собой самую полную историю мировых практик татуировки. Внимательно и подробно автор исследует древние традиции нанесения знаков на тело в таких мировых культурных центрах, как Вавилон, Египет, Перу, Мексика, Япония и Китай, выявляет много интереснейших фактов, показывает последовательность миграции татуировок. Прослеживает связь знаков на теле с религиозными верованиями и магическими практиками, рассматривает социальные и антисоциальные цели татуировки. Особые главы Хамбли посвятил техникам нанесения знаков на тело, а также историческому и географическому распространению татуировки. Текст сопровождается иллюстрациями.

Содержание

Введение	4
Глава 1	15
ТАТУИРОВКА И МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Уилфрид Дайсон Хамбли

История татуировки.

Ритуалы, верования, табу

Введение

Читателям, знакомым с содержанием известной книги Вильгельма Йоста «Татуировка» (*Die Tatowirung*), дополнительные сведения о нанесении меток на тело могут на первый взгляд показаться лишними. Однако это не так. Йост занимался в основном технологическими аспектами нанесения красок, татуировки и шрамирования, без ссылок на более поздние научные изыскания, которые выявили существование табу, церемониалов и верований, формирующих смысл татуировки тела на Новой Гвинее, Борнео, в Ассаме и Северной Америке.

Ввиду появления существенной информации в области этнологических исследований, а также связи татуировки с такими родственными предметами, как охота за головами и тотемизм, возникла необходимость в детальном рассмотрении всех этих вопросов. Исследования велись в психологической, социологической и исторической областях. Технологические проблемы дизайна, мотива, цвета, перспективы и

т. д. приведены в главе 4.

Меньше всего трудностей представляют психологические, социологические и эстетические аспекты, поскольку нанесение отличительных знаков на тело как умственный и социальный процесс образует часть единого целого, включающего тотемизм, экзогамию и поиск бессмертия. Это гармоничное единство магических и религиозных верований иллюстрирует взгляды У. Риверса, считавшего, что существует логика примитивного, хотя его предпосылки могут быть неверными из-за отсутствия системы естественных наук.

Исторический аспект намного сложнее. Можно сказать, что в нем существуют практически нерешаемые проблемы, поскольку рассмотрение археологических свидетельств и артефактов – татуированных женских фигур и использования красной охры в захоронениях – уводит исследователя далеко за пределы узких границ 6000 лет документированной истории в туманные дали палеолита. Рассмотрение древних традиций нанесения знаков на тело в таких мировых культурных центрах, как Вавилон, Египет, Перу, Мексика и Китай, выявляет много интересных фактов и в дополнение показывает обоснованную последовательность миграции татуировок. В XIII–XIX вв. не было недостатка в датированных свидетельствах, относящихся к существованию татуировок. Но ранние авторы довольствовались случайными ссылками или, в лучшем случае, описывали технику и *modus operandi*. Только в конце XIX в. имели место антропологические ис-

следования, снабдившие нас знаниями о табу, ритуалах и верованиях, связанных с нанесением знаков на тело. Обряды обеспечили нас свидетельствами миграции культуры, в противовес более ранней идее о духовном единстве, явившемся причиной появления идентичных верований, табу и практик в удаленных друг от друга точках по всему земному шару.

Малиновский в обзоре миграций культуры, описанных в «Детях Солнца» (*The Children of the Sun*), «Мегалитической культуре Индонезии» (*Megalithic Culture in Indonesia*) и «Миграциях ранней культуры» (*The Migrations of Early Culture*), считает возможным компромисс между исторической и этнологической школами. В этой связи я полагаю, что существует полезное значение, в котором термин «физическое единство» может быть использован для выражения единообразной эмоциональной тенденции, включая любопытство относительно будущей жизни, самоутверждение, симпатию, силу внушения и внушаемость. Все эти аспекты умственной деятельности являются общими для древнего человека, а некоторые из них заметны и в сегодняшних его потомках.

Эта общая эмоциональная тенденция объясняет быстрое распространение культур, особенно когда они через определенные аспекты и доктрины удовлетворяют настойчивое стремление человека к приобретению или сохранению им социального статуса, дают ответ на вопрос относительно жизни после его физической смерти, предлагают средства

освобождения от демонов, боли или болезни, показывают безопасный переход от подросткового возраста к зрелости, предоставляют позитивные средства привлечения удачи и уклонения от зла. Все это лишь часть того, что предлагают распространенные по всему миру системы нанесения знаков на тело.

Однако при использовании метода глобального обзора внешнее сходство может привести к поспешным обобщениям. Для формирования основ философских и исторических теорий чрезвычайно важно проведение скрупулезной работы в отдельно взятых регионах среди народов, принадлежащих к родственным культурам. Но социологические, психологические и исторические исследования могут быть успешными только в том случае, если все их аспекты до мельчайших деталей будут рассматриваться на широком антропологическом фоне. Если фрагменты системы не сочетаются, толку от них не больше, чем от отдельных картинок в пазле. Изолированное исследование служит источником для несвязанных и нередко противоречивых теорий и суждений.

Вестермарк, не игнорируя магических и религиозных аспектов татуировки, подчеркивает связь ее нанесения с понятием сексуального импульса. Йост, ссылаясь на существующие на Самоа практики, отрицает религиозное значение татуировки, легко опровергая легенды о ее божественном происхождении и нанесении исключительно священнослужителями. Он рассматривает рисунок как украшение и инсекти-

цид. Синклер с его экстенсивными исследованиями связывает нанесение меток на тело с проявлением религиозных и патриотических чувств. Ломброзо считает татуировку одним из криминальных атавизмов. Лакассаня больше интересовали медицинские аспекты, связанные, по его мнению, с неразвитым эмоциональным темпераментом человека. Капитан Ф.Р. Бартон полагает, что татуировка в Тихоокеанском регионе была основана на религиозных импульсах. Брюстер, прожив двадцать лет на Фиджи, придает особое значение рисункам на теле, которые якобы являлись ключом к решению множества исторических и этнологических проблем. Хаддон отмечает связь между тотемизмом и тату. Религиозную движущую силу последней признают Х. Вуттке и Вайц Гурланд, но М.К. Марквардт не думает, что это не свойственно для Самоа.

Фрэйзер утверждает: «Девушек, достигших половой зрелости, татуируют не только для красоты. Дикари явно считают этот обычай оберегом против опасностей, которые могут им встретиться на жизненном пути».

Теории, касающиеся происхождения и стимулов для развития татуировки, естественно, варьируются в зависимости от изучаемого региона. Если речь не шла о табу и ритуалах или о каких-то особых верованиях, то желание украсить себя – поверхностное, но зато самое легкое объяснение нанесения знаков на тело. Однако у любого исследователя этого явления существуют трудности: языковые, с которыми не

всегда справляется даже хороший переводчик, а также молчаливость и скрытность – естественные стражи полезных магических и религиозных церемоний, влияние которых якобы сохраняется и после их прекращения.

Если в 1888 г. Бакленд привлек внимание к географии распространения татуировки, то позднее Эллиот Смит заявил о важности изучения как признака кочующих родственных культур.

Полезные в определенной местности практики и верования могут приходить в упадок, часть из них может исчезнуть или, наоборот, по каким-то необъяснимым причинам выжить. Но нанесение знаков на тело, по большей части связанное с попытками обеспечить себе место на небесах, приобрести *rite de passage* из одного социального статуса в другой, сохранить классовые привилегии и т. д., является практически целостной системой. Сходство (часто идентичность), распространение и практическое значение входящих в эту систему ритуалов, табу и верований в примитивном обществе и стало предметом обсуждения на страницах этой книги.

В главе 3 одновременно рассмотрены главные разновидности нанесения знаков на тело – рисунок краской, татуировка прокалыванием и шрамирование. Естественно, рисунок явился первой техникой татуировки, появившейся еще в палеолитические времена, когда широко использовалась красная охра. Татуировка прокалыванием, вероятно, была

изобретением некого гения, который увидел в ней способ сделать магическое и религиозное раскрашивание тела более постоянным. Я считаю, что шрамирование имело терапевтическое происхождение, но нетрудно выявить связь между этой формой нанесения знаков, ритуалами и табу. Возможно, это произошло от контакта с собственно татуировкой, а результатом стал переход ритуалов, верований и табу от одной формы техники к другой. В целом верования, связанные со шрамированием, менее разнообразны, а церемониалы и табу – не так четко выражены, как в случае нанесения рисунка или татуировки прокалыванием.

В следующих главах основной классификации знаков, независимо от конкретной техники и нанесения, стали связанные с ними верования, ритуалы и табу. Их одинаковость является очевидным свидетельством миграции культуры. Представляется маловероятным, что разные идеи, рассмотренные в главах 1–3, могли независимо возникнуть во множестве далеко отстоящих друг от друга мест. Есть четкие свидетельства локальной миграции рисунков.

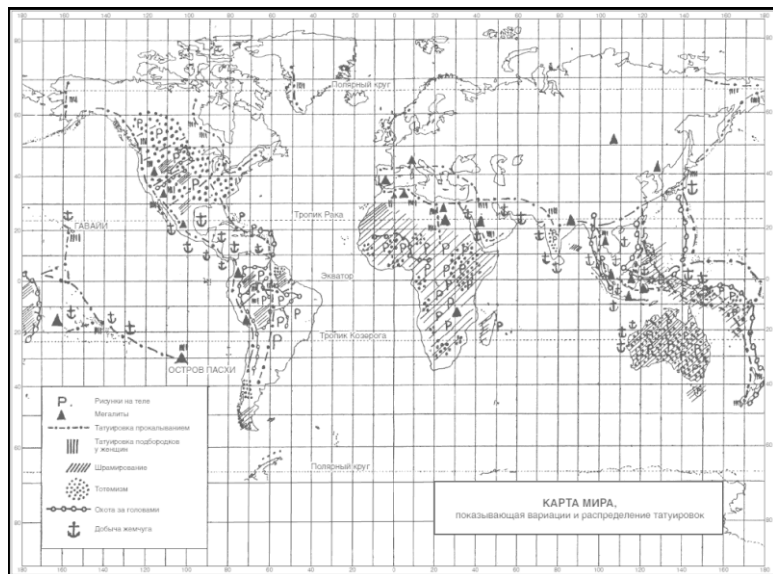
Мой интерес к рассматриваемому предмету был вызван изучением племенных, терапевтических и защитных знаков в англо-египетском Судане, а также рассмотрением разнообразных рисунков на телах солдат и матросов в Галлиполи, на Мальте и во Франции.

Приведенный далее краткий библиографический очерк, посвященный истории татуировки, может помочь лицам, ин-

интересующимся ею, выбрать наиболее полезные для тех или иных исследований книги.

Ссылки на нанесение знаков на тело довольно часто встречаются в литературе XIII–XIV вв., но первые путешественники обычно лишь упоминали о внешних формах тату, не исследуя связанные с ними ритуалы и верования. Так, испанские путешественники для обозначения татуированных тел использовали слово *pintado*. В английском языке слово «тату» появилось лишь в конце XVIII в., поэтому исследователь может сомневаться относительно природы знаков на теле. Генри Иббот, гардемарин с британского корабля «Дельфин», в 1767 г. писал о гаитянах следующее: «Одна вещь представляется мне замечательной, ни о чем подобном я раньше не слышал: и у мужчин, и у женщин зад зачернен, что сделано уколами». Здесь мы видим технику, но связанный с татуировкой ритуал так и остался неизвестным. Лейхардт рассказывает о туземцах, которых он встречал на полуострове Йорк: «У них на груди горизонтальные шрамы». Стерт говорит о местном населении Муррумбиджа: «Они раздирают свое тело, шрамы – их главное украшение. На Муррее туземцы воинственны, у некоторых ребра, бедра и лица разрисованы белой краской, у других измазаны красной и желтой охрой. Там еще были разрисованные белым женщины с грузом дротиков». Ганс Штаде, находившийся в плену в Бразилии в 1547–1555 гг., тоже кратко упоминает о татуировках: «Они уродуют себя рисунками. Они раскрашивают сво-

их пленных, после чего танцуют вокруг и осмеивают их». В трудах ранних миссионеров, в первую очередь иезуитов, тоже есть упоминания о знаках на теле. Подобные ссылки есть у Маркетта и Ла Салля. Кранц описывает татуировку в Гренландии, а Добрицховвер – в Парагвае в середине XVIII в. Посол Симс утверждает: «Бирманцы наносят татуировки на руки и бедра – это всевозможные фантастические узоры и фигуры, которые они считают оберегом против оружия своих врагов».

Все это подтверждает важность процесса нанесения знаков на тело, который существует даже сегодня и во многих местах сопровождается сложными ритуалами, о которых оставили свои воспоминания миссионеры XIX в. Преподобный Джон Уильямс утверждает, что женщины Самоа вызывали появление волдырей на коже, чтобы сохранить навсегда память о некоторых важных событиях или любимых, но умерших родственниках, – например, тепло из Раратонга нанес татуировку после смерти своего девятого ребенка. С течением времени в результате усиления интереса путешественников к этнологии их внимание привлекли туземные верования и ритуалы: Джон Чалмерс поведал информацию, касающуюся особенностей татуировок в юго-восточной Новой Гвинее в 1878–1886 гг., занимательный рассказ о ритуале, связанном с татуировкой на Самоа, привел Дж. Б. Стэр (1897), что представляется тем более важным, поскольку Марквардт (1899), уделив большое внимание технике, ничего не сказал о ритуале. Описание специальной церемонии окропления для татуированных оставил Стэр: «Вечером накануне ритуала участники берут зажженные факелы и идут в специальное место, где факелы одновременно гаснут. Приносится бутылка воды и разбивается перед татуированными. На следующий день водой окропляют каждого участника группы, и тогда татуированные и татуировщики разделяются. Этот обычай использовался, как и в ряде других случаев, чтобы снять то, что считалось своего рода святостью,

которой обладали недавно татуированные».

Самые интересные и важные рассказы о нанесении знаков на тело в увязке с соответствующими верованиями и ритуалами можно найти в трудах конца XIX и начала XX в. Каждый этнолог приступал к написанию работы, имея определенную цель, вопросы формулировали корректно, с учетом аудитории, а переводчиков выбирали самым тщательным образом. Поэтому итоговые публикации содержат комплексную информацию о собственно татуировках, а также их связи с социальными и религиозными практиками. «Татуировка» Йоста полезна, поскольку содержит описание технологии нанесения всех видов знаков на тело, но пробелы, а местами даже откровенное пренебрежение психологическими и историческими аспектами, которые являются фундаментальными, значительно снижают ценность этого труда.

Глава 1

ЗНАКИ НА ТЕЛЕ И ИХ СВЯЗЬ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ВЕРОВАНИЯМИ И ПРАКТИКАМИ

В этой главе сделана попытка показать взаимосвязь татуировки и других форм нанесения знаков на тело с религиозными верованиями и практиками.

Примитивный человек обращается к сверхъестественным силам посредством позитивных обрядов, которые выполняются со скрупулезной точностью. В то же время он использует ряд негативных обрядов в форме запретов, или табу. Ассоциация таких церемониалов с татуировкой – верный признак важности ее нанесения на тело. Когда в дополнение к предостережению, таинству и ритуалу существуют определенные верования, которые определяют значение тату на небесах, посвящают ее тому или иному божеству, или когда татуировкой занимаются священнослужители, то существование религиозной составляющей в деле нанесения знаков на тело отрицать невозможно.

Поскольку связь между магией и религией весьма спорна, необходимо учесть начальную трудность, связанную с разде-

лением свидетельств, относящихся к татуировке как религиозному отправлению, и тех, которые являются частью магической практики. Мы считаем, что примерами первых являются те, что связаны с вероисповеданием – идеями сверхъестественного существа, жизни после смерти, молитвы и т. д.

Отличными от этих однозначно религиозных практик являются те, которые имеют магическую природу и связаны с болью, удачей, любовными чарами, сохранением молодости, вызовом дождя, ордалиями, опасными предприятиями, смертью, трауром и казнью. Эти важные факторы будут рассмотрены отдельно.

ТАТУИРОВКА И МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Татуировка каянской девушки – серьезная операция, которая выполняется с интервалами, начиная с возраста четырех лет и заканчивая в восемнадцать. В связи с этой практикой существует несколько важных позитивных и негативных обрядов, цель которых – показать связь между татуировкой и сверхъестественными силами. Операцию ни в коем случае не должны производить во время посева или если в доме лежит умерший. Работу прерывали, если татуировщику снилось наводнение – такой сон означал, что пациент может потерять слишком много крови. Татуированная женщина не может есть мясо варана, как и ее муж. Последний вообще разделял с женой все табу до тех пор, пока не рождался их первый ребенок. Очень важной у каян была наследственная должность профессионального татуировщика, вернее, татуировщицы. Это занятие накладывало определенные ограничения, означавшие наличие всевозможных опасностей. Как и кузнеца, профессиональную татуировщицу защищал дух-покровитель, и, пока дети художницы были маленькими, она не могла спокойно заниматься своим делом. Судя по всему, здесь речь идет о той же идее, которая легла в основу интересной практики амазонских индейцев нага (и ряда других народов), которая называется «кувад» (couvade).

Эти люди верят, что нежную душу ребенка может ранить любое неосторожное действие его отца. Поэтому во время рождения ребенка отец отправляется в постель и там остается, пока душа младенца не станет менее чувствительной. Считалось, что если профессиональная татуировщица не станет соблюдать некоторые ограничения в еде, то она будет наказана ухудшением своего здоровья или обесцвечиванием сделанных ею рисунков.

Нельзя было проливать кровь другого человека, поэтому художница дарила пациенту небольшой подарок – бусы. Если же она забудет об этом церемониальном даре, то ее родителей постигнет неудача, а сама татуировщица ослепнет.

Операцию нельзя было начинать в любое время, когда захочет девушка или ее родители: это могло произойти только на девятый день после появления новой луны. Если первая часть операции выполнена в этот день, впоследствии процесс можно возобновлять в любое удобное время.

Среди каян Батанга татуировку делали не в общем доме, а только в хижине, построенной специально для этой цели. Мужчины из семей девушек, которым наносились татуировки, должны были держать специальную ткань из коры и не выходить из дома, пока операция не завершится. Если кто-то из мужчин – членов семьи отсутствовал, операцию откладывали до его возвращения. Специальный ритуал жертвоприношения существует у народа лонг глат (Long Glat): женщина, которой наносится татуировка, для художницы каждый

день убивает черную птицу.

Факты, касающиеся выполнения церемониалов, подтвердили Хоуз и Бакдугалл, которые долго жили среди каян. Например, последние верят в существование определенной связи нанесения татуировки с возможными несчастьями и вмешательствами свыше; во время операции не только пациент находится в состоянии табу или некой «опасной святости», но и профессиональный татуировщик подвергается особому риску. На все, что связано с пациентом, влияет сверхчеловеческая сила, являющаяся источником опасности для детей художницы, которая охраняет своих отпрысков, соблюдая строгую диету.

Обычной платой за услугу могло быть приношение птицы, но оговорка, что она должна быть черной и становиться жертвой каждый день операции, указывает на искупительную природу дара.

Доктор Фрэйзер заметил, что обычай татуировать женщин детородного возраста, возможно, возник не только с целью их украшения, но и для защиты от таинственных опасностей, которые подстерегали каждого дикаря в этот период жизни. Это предполагает, что табу не связаны напрямую с собственно татуировкой, только в комплексе с такими считающимися опасными для жизни явлениями, как наступление половой зрелости и кровопролитие. Эта гипотеза о табу не объясняет, однако, мер предосторожности, процитированных из «Языческих племен Борнео». Почему считается,

что искусство татуировки охраняет дух-покровитель? Почему нельзя делать татуировку во время посева или после сна о наводнении? Последняя предосторожность, а также приостановка операций, если в доме лежит мертвое тело, судя по всему, означают, что сама татуировка является операцией, связанной с повышенной опасностью – смутной и неопределенной. Женщина миновала период половой зрелости, но из-за нанесенных на ее тело знаков она не может есть мясо варана. А если добавить условие, что операцию татуировки можно начинать только на девятый день после появления новой луны, все сказанное указывает на прямую связь акта татуировки и неких сверхъестественных сил, которые могут навредить, если их не умиротворить.

Исследования, проведенные доктором Селигманом среди меланезийцев Новой Гвинеи, ясно показывают тесную связь искусства татуировки с предрассудками и дурными предчувствиями.

Каждая женщина племен, говорящих на языке роро, покрыта татуировками с головы до ног. Операция по их нанесению начинается, когда девочка достигает возраста пяти – десяти лет. Работу выполняет опытная старая женщина, часто родственница, которую за услуги кормят, но больше никак не вознаграждают.

Тела женщин койта покрыты рисунками, такими же, как используют моту, откуда, вероятно, была позаимствована эта практика. Стоит отметить, что существует церемониальный

порядок украшения отдельных частей тела. В возрасте пяти лет татуировки наносятся на руки и предплечья. К десяти годам у девочки уже украшены подбородок, нос, нижняя часть живота и внутренние стороны бедер. Грудь, спина и ягодицы татуируются как знак приближения половой зрелости, а V-образные знаки на груди и в верхней части спины, вместе со знаками в нижней части ног, должны быть нарисованы после помолвки. Наконец, есть знаки между пупком и грудью – их наносят, когда достигнуто брачное соглашение.

Среди племен роро, когда девушка достигает брачного возраста, татуировка наносится на оставшуюся часть лица, ягодицы и ноги. Прежде чем перейти к татуировке задней части тела, устраивается небольшой праздник, и в это время выполняют церемониальное бритье головы. По завершении основной части операции родственники девушки устраивают торжество, которое длится пять дней. В последний день «банкета» к рисункам добавляется несколько завершающих штрихов. После окончания церемонии девушка считается достигшей брачного возраста, и ее называют вахо (waho). Молодую леди украшают изделиями из раковин и кости, и в этом пышном убранстве она, как правило, в течение пяти дней сидит на веранде дома своего отца. В этот период ее называют роув (rove). Она может прогуливаться только по центру деревни и не должна выполнять никакой черной работы: ей нельзя копаться в земле и носить воду. Во время еды девушка не должна брать пищу руками. Ей следует пользо-

ваться вилкой, завернутой в черенок бананового листа. Через четыре или пять месяцев, когда у девушки отрастут волосы, она считается готовой к замужеству.

Можно задать вопросы: какая часть церемонии относится к половому созреванию и является оберегом против опасностей, с которыми девушка встречается, становясь женщиной, и что можно приписать непосредственно искусству нанесения знаков на тело? Церемониальный порядок татуировки разных его частей по мере взросления, судя по всему, указывает на веру в то, что это каким-то мистическим образом стимулирует физическое развитие и способствует достижению совершенства. Есть два церемониальных празднества, напрямую связанные с актом нанесения татуировки: небольшое, устраиваемое перед нанесением знаков на заднюю часть тела, и великое – знаменующее завершение всей операции. Имеющиеся запреты на ношение воды и занятие огородничеством могут быть связаны со страхом ухудшить плодородие земли. Что же касается запрета трогать пищу руками, то есть любопытная параллель с воинами маори, которые не должны брать пищу руками, пока выполняется операция моко.

Воин – зрелый человек, поэтому знаки на его тело наносятся как награда за храбрость в бою и отметка о высоком социальном статусе. Табу в этом случае тесно связано с актом татуировки. Вероятно, запрет меланезийской девушке касаться еды руками сразу после завершения таковой тоже

не связан с достижением половой зрелости. Если бы именно из-за последней возникала опасность прикосновения к еде, табу должно было бы соблюдаться в процессе всего периода продвижения к половому созреванию, а не только после нанесения татуировщицей последних штрихов.

В отсутствие точных свидетельств от народов, которые выполняют эти ритуалы и соблюдают табу, бесполезно пытаться категорически заявлять, с чем связана опасность: 1) с операцией татуировки; 2) с состоянием половой зрелости; 3) с татуировкой, поскольку она производится в период достижения половой зрелости. Единственный надежный способ – сравнить аутентичные примеры: 1) татуировки в связи с табу и церемониальными обязательствами; 2) татуировки в связи с верой в жизнь после смерти; 3) татуировки и магические практики для обеспечения духовной силы. Затем, оценив свидетельства в целом, мы можем задать вопрос: обоснованно ли мнение, что татуировка в очень многих случаях является только украшением? Или *per contra* — она определено тесно связана (ритуалами и табу) с верованиями человека и с попытками «разобраться» с высшими силами?

Майор Ветен, нанятый бенгальским правительством для проведения исследований среди племен абор, собрал информацию о татуировках нага. Его отчеты подтверждены Т. Ходсоном, который подчеркивает, что татуировки среди нага делают частями в холодную погоду. Этим, как правило, занимается пожилая женщина, использующая в качестве красок

соки дикой индигоферы. Она наносит их с помощью щепки бамбука. Девочки должны соблюдать диету (возможно, чтобы избежать заражения крови), но какую именно, нам не известно. Зато о причине ограничения у нас достаточно информации. Девочка, которой делают татуировку, не может покинуть свою деревню, пока процесс не будет завершен. Иногда действует другое правило: татуировка наносится ей в другой деревне, не в той, где она живет. Это обычно делается, если ее мать родом не из места рождения дочери.

Татуировки нага являют собой прекрасный пример взаимной связи разных аспектов культуры. Генри Бальфур, недавно вернувшийся домой после долгой работы среди племен нага, рассказал мне, насколько важной считается успешная охота за головами для плодородия земли и вступления в брак. Последнее относится к плодовитости человека, поэтому и мужская и женская татуировки чрезвычайно важны для деторождения. Перри говорит об охоте за головами как о модифицированной форме человеческих жертвоприношений, первоначально выполняемых для обеспечения плодородия земли. Занимаясь происхождением и историей татуировки, я смог показать, что в Египте в 4000–2000 гг. до н. э. татуировки и рисунки на теле имели прямое отношение к изображениям хорошо развитых женских фигур – символам плодородия. В обычаях нага я вижу взаимную связь нанесения знаков на тело, человеческих жертвоприношений и плодородия – и земли, и народа нага. Возможно, у каян, нага, меланезий-

цев и других народов, которые соблюдают табу во время нанесения татуировки, нет четко определенной идеи, почему и зачем следует соблюдать предосторожности. Одно время связанные с плодородием ритуалы и их святость были четко определены, но сейчас мы имеем дело всего лишь с предвзвешиваниями и смутными дурными предчувствиями. Первоначальная тесная связь татуировки и ритуалов плодородия внесла свой вклад в соблюдение ограничений. Не исключено, что случаи заражения крови в процессе операции приписывались действиям злых демонов.

Североамериканские индейцы до принятия потогонной ванны наносили порезы на тело, чтобы выпустить из него плохое и обеспечить путь для хорошего. Среди амазонских индейцев и негров Африки распространен обычай наносить порезы на тело, чтобы облегчить боль. Такое действие вполне понятно в свете описания доктора с Самоа, который делал разрез, чтобы выпустить головную боль. Если силы добра и зла могут найти доступ внутрь тела или выход из него через надрезы на коже, разве не логично, что татуировку считали опасной, поскольку в человека через многочисленные отверстия на его коже могут проникнуть злые духи болезни, несчастья и даже смерти? Или, может быть, примитивные люди верили, что через эти отверстия душа может покинуть тело?

Будучи врачом среди цветных шахтеров Йоханнесбурга, доктор Е.А. Тернер много раз видел их племенные татуи-

ровки и даже выяснил методы проведения соответствующих операций. У племени мтиопи есть правила, касающиеся рисунков, которые девушка может предпочесть по достижении половой зрелости. Понятно, что они отличаются от знаков, наносимых на тело мужчины, убившего неприятеля в стычке, или женщины, чья беременность закончилась выкидышем, а плод был мужского пола. Девушка мтиопи по достижении ею половой зрелости ни при каких обстоятельствах не может позволить, чтобы мужчина видел операцию нанесения ей татуировки. Если же она нарушит правило, ее отец будет оштрафован. Тернер не уточняет, кому должен выплачиваться такой штраф, можно предположить, что общине, членом которой является отец девушки. Основание для штрафа – из-за нарушения запрета для общины возникла опасность, правда, какого рода – не вполне понятно. Возможно, это всего лишь предупреждение об обязательном соблюдении осторожности в определенные периоды: при достижении половой зрелости, во время менструаций, когда противоположный пол ведет себя необъяснимо и его следует держать на расстоянии, поскольку контакт таит в себе опасность. Простой человек, естественно, не может объяснить происходящие с ним после достижения половой зрелости быстрые физические и умственные перемены, поэтому поддается страху. Девушка мтиопи должна уйти в буш, чтобы там пережить процесс шрамирования, пока не появится ряд узелковых утолщений на лице – тиндора (tindohra), а кожа на живом

те и бедрах после нанесения многократных порезов не примет вид крокодиловой спины. Дополняют эти знаки линейные шрамы от края слухового прохода до глаза. Хотя шрамирование должно выполняться втайне, в промежутках между отдельными этапами операции девушке разрешают приходить в лагерь.

До того как на Тихоокеанских островах появилось сильное миссионерское влияние, татуировки достигших половой зрелости молодых девушек сопровождались их заключением в клетку на период от нескольких месяцев до двух-трех лет. Все это время нога каждой девушки не должна была касаться земли, чтобы предотвратить контакт между последней, считавшейся у туземцев кормилицей, и теми, кто находился под властью табу. Г. Браун приводит информацию, сообщенную ему двумя миссионерами – преподобными К.Х. Рикардом (1892) и И. Руни, видевшими подобное в Новой Ирландии. Последний утверждает: «Я успел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем заключения в клетку одной из девочек. Бедняжка, увешанная ожерельями и лентами из красных, белых и синих бус, выглядела очень испуганной, потому что на следующий день ей предстояло подвергнуться операции татуировки по моде Новой Ирландии, иными словами, на ее тело должны были нанести много разных знаков». В этом случае изоляция пациента предвляла операцию нанесения татуировки, обладавшую большой церемониальной важностью.

Наблюдатель, долгое время живший на Фиджи, получил от Малакаи, главы чисто меланезийского клана, жившего на острове, описание ритуала, связанного с татуировкой женщин, достигших половой зрелости. Девушку освобождали от женских обязанностей, она должна была двенадцать часов поститься, целую ночь искать креветок и принести три лимонные колючки – инструмент для нанесения тату. Ею занимались двое: «мудрая женщина», которая благословляла краску и молилась духам мертвых, чтобы уменьшить боль, и татуировщица. Тату на Фиджи, как и в других местах, ассоциируется с сексуальным чувством, но этого очень важного фактора недостаточно, чтобы объяснить богатство ритуала, табу и секретность.

Китайский историк Ма Тван Лин утверждает, что в его время – в XII в. – на острове Хайнань существовал обычай татуировать девушек брачного возраста. Его практиковали только среди знатных семейств острова. Когда дитя достигало половой зрелости, родители устраивали большой праздник для всех членов семьи. Девушки сами приносили иголки и картинки. На лицах обычно изображали цветы, бабочек, насекомых. Этим занимались пожилые женщины. Ма Тван Лин, говоря словами профессора Паркера, «совершенно надежный источник». В 1893 г. женщины лои, далекого от цивилизации племени, живущего во внутренних районах острова, сами наносили себе татуировки.

Один из самых впечатляющих примеров табу, связанно-

го с татуировкой, – тот, что выполнял вождь маори, когда ему наносили рисунки моко. Ограничения, наложенные на вождя, касались его социального общения и приема пищи. Так, ему запрещалось общаться с теми, кто «не был в том же состоянии, что и он сам», но относится ли «состояние» к его социальному статусу или к процессу татуировки, неясно. Но ограничение контактов совершенно очевидно, и этот запрет очень важен, потому что показывает связь тату с первоначальной идеей о божественной природе власти вождя. Вторая часть ограничений для тех, кому наносится моко-тату, связана с недопущением загрязнения еды. Пациент не может брать пищу руками, а должен переправлять ее в рот черенком папоротника. «Любой человек, который решит поднести палец ко рту до того, как тату завершено, обнаружит, что его живот полон «атуа» – демонов, которые сожрут его живьем». Иногда воина кормили рабы, наливавшие ему жидкости в воронку, или он ел с блюда, лежа на животе. Рыба являлась табу, но ее разрешали употреблять в пищу, если сначала поднимали, чтобы показать знаки тату. Питьевую воду заливали прямо в рот пациенту, а любой сосуд, к которому он прикасался, считался непригодным для дальнейшего употребления.

В прежние времена жрец и весь народ находились под юрисдикцией вождя. Во время операции моко порезы достигали глубины одной восьмой дюйма (больше трех миллиметров). При этом использовались небольшое зубило и деревян-

ный молоток. Древняя практика татуировки вождя заключалась в сооружении трех каменных печей: одна – для богов, другая – для жреца, а третья – для того, кому наносилась татуировка. Один камень из печи богов брал жрец, таким образом, табу или неприкосновенность передавалась пище богов, подвешенной на дереве. После церемонии все отведывали эту пищу и становились ноа или свободными, после чего им позволялось брать пищу из корзины, в которую складывали еду того, кто подверглся операции.

Татуировка вождя показывает существующую у маори связь между нанесением знаков на тело и сверхъестественной силой. Во-первых, существуют табу, которые необходимо соблюдать, потому что операция вводила божественного вождя общины в состояние, в котором он становился опасен для обычных людей, и не должно быть никаких контактов между табу (святым, неприкосновенным) и ноа (обычным). Кровопролитие во время операции помогает объяснить уважение к процессу нанесения моко, поскольку пролитие крови – будь это естественный процесс, связанный с деторождением или достижением половой зрелости, или искусственный процесс, такой как обрезание или вскрытие вен на тотемных церемониях австралийских племен, во всем мире считается не вполне обычным. Уважение ко всем формам кровопролития является отражением первоначальной концепции – кровь есть жизнь, отсюда и необходимость повышения плодородия земли человеческими жертвоприношениями.

ми. В дополнение к почтению, связанному с актом кровопролития, каждый дикарь должен был испытывать уважение к происходившей перемене состояния или положения. Первичная цель нанесения знаков моко – повышение престижа человека, его переход из одного социального статуса в другой, более высокий. Королевский сан и божественность – ради них в основном наносят татуировки моко вождям маори.

Юноша в процессе инициации и, возможно, в течение некоторого времени после ее церемонии – это человек, отделенный от общины и обреченный на изоляцию в буше или в специально подготовленной хижине. Среди папуасов и языческих племен Борнео юноши по достижении половой зрелости удаляются в специальную хижину – в первом случае в деревне, во втором – на опушке леса. Инициация означает, что достигнут детородный возраст. Половая зрелость подразумевает способность к продолжению рода, поэтому татуировки юношей и девушек в этот период и связанные с ними ритуалы, вероятно, восходят к древнему культу плодородия.

Доктор Риверс, находясь в 1906 г. среди людей племени тода, приступил к изучению вопроса татуировки женщин, но по взглядам и сдержанности опрашиваемых людей, а также исходя из предостережений переводчиков он пришел к выводу, что этот предмет не из тех, которые принято обсуждать на публике. Поэтому он прекратил расспросы и впоследствии, к сожалению, их не возобновил. Известно, что операцию выполняет женщина тода, которой платят 8–12 ан-

на и обеспечивают едой. Любой человек, имеющий соответствующие навыки, может провести эту операцию, которая, вопреки общим правилам, должна выполняться не по достижении половой зрелости, а перед или сразу после рождения ребенка. В этом случае татуировка явно связана не с половой зрелостью, а с деторождением, лучшим доказательством плодovitости.

М. Добрицхоффер дает подробное описание татуировки в Парагвае: «По достижении половой зрелости девочек татуируют с перерывами, и они на некоторое время заперты в доме отца. Их заставляют отказаться от мяса и рыбы, но фрукты есть разрешено. На подбородок наносятся прямые линии. Абипойны думают, что, калеча таким образом своих дочерей, они их украшают. Одновременно их приучают терпеть боль, которой не миновать при ожидающих их в будущем родах. У каждой женщины из абипойнов на лице свой рисунок. Самые красочные и замысловатые – у тех, кто принадлежит к знатым, родовитым семьям. Если встречаешь женщину, у которой на лице только три или четыре черные фигуры, можно не сомневаться, что она или пленница, или простолюдинка. Когда среди абипойнов установилась христианская дисциплина, этот обычай, благодаря нашим усилиям, был ликвидирован, и теперь женщины сохраняют внешность, данную им природой».

Женщины абипойнов не довольствовались знаками, общими для обоих полов, и покрывали свои руки, груди и ли-

ца черными фигурами разных форм, становясь похожими на турецкий ковер. Чем выше ранг, тем больше фигур. Но это дикарское украшение давалось дорого – кровью и болью. Как только молодая женщина достигала брачного возраста, ей наносили татуировку, согласно обычаю. Она клала голову на колени пожилой женщины, вместо карандашей использовали колючки, а вместо краски – золу, смешанную с кровью. Если несчастная громко стонала или отворачивалась, ее осыпали насмешками, руганью и оскорблениями: «Что за трусость! Ты – позор своего народа!»; «Ты умрешь в одиночестве, можешь не сомневаться»; «Ни один из наших героев не посчитает такую трусиху достойной стать его женой».

Это свидетельство Добрицхоффера показывает, что в центральной части Южной Америки к татуировке относились со всей серьезностью и считали ее обязательным ритуалом для девушек, достигших половой зрелости. В этой связи его рассказы чрезвычайно важны, поскольку устанавливают социальный и психологический союз этого региона со многими частями света, где татуировка – обязательный признак готовности к браку.

Другой наблюдатель, преподобный Генри Джунод, внесший существенный вклад в антропологию, коим явился подробнейший рассказ о народе ба тонга, живущем в португальской Восточной Африке, утверждает, что нанесение татуировок юным девочкам, происходившее в условиях скрытности и соблюдения предосторожности, указывает на связь с

более ранним культом, смысл которого, к сожалению, утрачен.

Оказывается, обычай наносить треугольные знаки на плечи и украшать татуировками живот был широко распространен у ба тонга. Это своего рода обряд инициации и украшение – треугольники располагаются так, что указывают на принадлежность к конкретному племени. Девочки должны подготовиться к операции, соблюдая специальную диету, которая должна смягчить кожу живота. После операции девушка должна прятаться в течение семи дней – этот обычай напоминает о поведении мтиопи во время шрамирования. После уединения и затворничества юная леди появляется перед своим суженым, который приносит в жертву птицу и, признавая художественный характер татуировки, говорит: «Ты очень красива с татуировкой, иначе твой живот был бы похож на живот рыбы или белого человека». Несомненно, аспект украшения имеет место, но церемониальные предосторожности, связанные с татуировкой, не позволяют нам согласиться с Йостом, утверждающим, что украшение – главная цель татуировки, а ее религиозное и магическое значение ничтожны. После принесения жертвы с предосторожностями еще не покончено. На протяжении всего процесса заживления девушка находится под действием табу, как если бы она страдала от болезни: не должна солить свою еду, есть пищу других людей и, как и девушка нага из Ассама, не могла посетить другую деревню. Разница в запрете на посе-

щение других деревень между нага и ба тонга заключается в том, что в первом случае табу действует, пока выполняется татуировка, а в последнем – оно распространяется на весь период заживления, а именно на неделю после операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.